

А.М. Корсаков

ФИЛОСОФСКИЙ ЛИСТОК

**НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
КАК ЯВЛЕНИЕ УНИВЕРСУМА**

*Для подписки на журнал оставьте заявку по адресу:
n.sokratov@votrake.gr*

Издательство «Истина»
Санкт-Петербург, 2026

Антон Корсаков

Философский листок

<https://litres.ru/74010008>

SelfPub; 2026

Аннотация

В редакции журнала «Философский Листок» трое циничных «криэйторов» – надменный Сократов, сухой материалист Зенонов и насмешливый Пират – получают заказ от таинственного магната Анаксимандрова: превратить группу маргинальных мыслителей в гениев. Герои выполняют заказ, не веря ни единому слову и не разбираясь в предмете. Но чем дальше, тем сильнее их собственная реальность начинает подчиняться законам, которые они же и сочиняют. Уборщица Надя Эпикурова, кот Платоша и робот Нейтринчик видят, как слова творят мир – и как мир мстит своим создателям.

Содержание

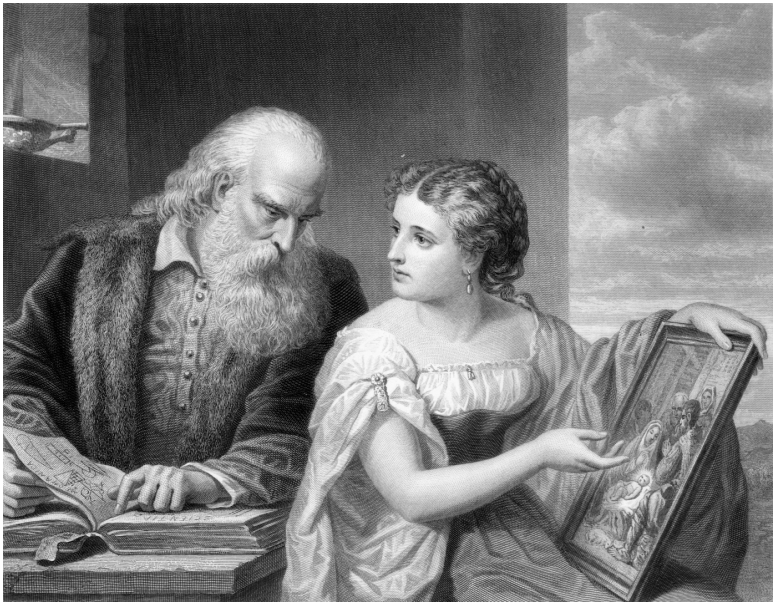
ФИЛОСОФСКИЙ ЛИСТОК	4
Глава 1. Криэйторы	6
Глава 2. Под звуки терменвокса	13
Глава 3. Плохой план на игру	17
Глава 4. К деревьям – с душой!	21
Глава 5. Наука против фактов	27
Глава 6. Рождение Титанов	32
Глава 7. Я всегда лгу	38
Глава 8. Можем повторить!	44
Глава 9. Красивая обёртка	50
Глава 10. Мы хотим знать! Мы будем знать!	55
Глава 11. Говорит то, что не знает	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Философский листок

ФИЛОСОФСКИЙ ЛИСТОК

*Но неужели потому,
что я не могу выпить всей реки,
не буду и умеренно для пользы моей
брать воды из нее?*
*свт. Кирилл Иерусалимский, 6-е огласительное
поучение, гл. 5.*

(роман без частей)

Глава 1. Криэйторы

Надежда Эпикурова как раз заканчивала пылесосить шикарный диван с обивкой из бархата «для высоких нагрузок», когда заголосил колокольчик дверного звонка. Эпикурова выключила пылесос, поскорее оправила сбившийся при работе передник и быстро засемила к входной двери. «Чего сам-то не откроет? Есть же ключ!» Всю рабочую неделю и сегодня, в субботу, она приводила это помещение в порядок: мыла, пылесосила, стирала пыль, натирала до блеска шикарную фурнитуру... но до сих пор так и не смогла привыкнуть к размерам и роскошности этого «офиса». Добежать до двери Эпикурова не успела, раздался звук открываемого ключом замка, дверь распахнулась и на пороге показался Сократов. «Зачем тогда звонил?» – успела подумать Эпикурова.

Первый раз Эпикурова увидела Сократова на собеседовании при устройстве на работу. Тогда он показался ей очень смешным. Высокий и худой, нескладный мужчина неопределённого возраста держал себя крайне надменно, говорил о какой-то миссии и «больших перспективах», однако, когда речь зашла о зарплате, начал настолько мелко и потешно торговаться, что Эпикурова не удержалась от смешка и решительно отказалась от вакансии. Тогда Сократов ментально сменил тон и согласился на все её условия, хоть и с видом великого одолжения. Так Эпикурова стала убор-

щицей в редакции журнала «Философский Листок». Второй раз она видела Сократова в прошлый четверг, когда тот, не поздоровавшись, быстро прошёл к своему рабочему столу, схватил какие-то бумаги и тут же выбежал обратно. Сегодня был третий.

Тем временем вслед за Сократовым в редакцию зашли ещё двое мужчин. Первый лет сорока пяти, не просто худой, как Сократов, а какой-то высохший, с тяжёлым, сверлящим взглядом. «Сушёный» – решила Эпикурова. И второй – совсем молодой, с бегающими, но любопытными глазками, очень низкого роста, что делало его ещё более похожим на пацанёнка. «Смышлёный» – решила Эпикурова. Каждый из джентльменов нашёл свой способ поприветствовать Эпикурову: Сократов надменно кивнул, Смышлёный отвесил «зд-расьте!», а Сушёный попросту её не заметил.

Пока гости осматривались (а посмотреть в нашем офисе было на что: старинные хрустальные люстры, бархатная красная дорожка, золотые канделябры), Сократов суетливо расставил друг напротив друга три обитых анилиновой кожей стула из красного дерева и жестом пригласил гостей садиться.

– Шикардос! – присвистнул Смышлёный, усаживаясь на стул. – Хорошо устроились! И район-то у вас топовый, и снаружи красота, а внутри – царские хоромы!

– Так и разговор будет более чем серьёзный, – ответил Смышлёному Сократов. – Присаживайтесь! – Сократов ши-

роким жестом указал на свободный стул Сушёному. – Кстати, перед тем, как мы приступим к делу, предлагаю всем перейти на «ты». Так нам будет гораздо удобнее.

Смышлёный кивнул. Сушёный, никак не реагируя на предложение Сократова, присел на стул.

– Как там тебя? Вера? – обратился Сократов к Эпикуровой. – Кофе принеси нам.

– Слушаюсь, господин Сократов. Только я не Вера, а Надь.

Сократов растерянно и непонимающе посмотрел в сторону Эпикуровой, как будто та говорила на другом языке, хмыкнул, после чего повернулся к гостям.

– Итак, господа!.. – увидев, как моментально сморщил лицо Сушёный, Сократов тут же поправился:

– Товарищи! – но увидев, как моментально сморщил лицо Смышлёный, Сократов поправился ещё раз:

– Коллеги! Разрешите представиться! Я – Сократов, и я – криэйтор!

– Хах! – прыснул Смышлёный. – Типа Анонимные Алкоголики? Это же их ритуал? Что ж, принимаю правила игры: Я – Акула-Пират, и я – криэйтор! Но, раз уж мы перешли на «ты», то вы можете называть меня просто Пират!

Повисла пауза. Сократов и Пират взглянули на Сушёного, который с каменным лицом, выдержав паузу, как раз достаточную, чтобы ещё раз прикинуть обещанный гонорар, сухо произнёс:

– Меня зовут Зенонов. Устин Олегович. И я – криэйтор.

Возникшая было неловкость была снята Эпикуровой, которая, принесла поднос с тремя фарфоровыми чашками ароматного кофе.

– Эпикурова, – представил Надежду Сократов, – тоже наш работник, но в другом направлении. Я ей плачу за то, чтобы она создавала нам уют.

– Ты платишь? – иронично переспросил Пират. – Но по телефону ты говорил про какого-то магната!

– Деньги господина Анаксимандрова распределяю именно я, – высокомерно отозвался Сократов. – А денег много. Сами видите, в каком помещении мы будем работать. Но и миссия у нас серьёзная. Так что, хоть мы, молодой человек, и перешли на «ты», попросил бы вас осознать роль каждого из здесь присутствующих. Эти роли отнюдь не равнозначны...

– А можно ближе к делу? – раздражённо вмешался Зенонов. – Криэйторы, роли... Я научный работник. Я привык получать техническое задание, после чего его добросовестно выполнять. Сейчас же – говорильня сплошная.

– Господин... – Сократов осёкся. – Товарищ, Зенонов! Мы все здесь, в какой-то степени научные работники. Вы ведь знаете, как называлась наука, так сказать, в младенчестве? Верно – философия! Это сейчас нормальный человек от слова «философия» только пренебрежительно пожимает плечами. А вот раньше, в древности, мудрецы...

– А можно ещё ближе к делу? – уже совсем зло перебил

Сократова Зенонов. – Кто такой Анаксимандров?

– Он платит! – мгновенно отреагировал Сократов. – Понимаете? Платит! И платит много! Вам этого недостаточно?

Пират откровенно и не скрываясь зевнул. Зенонов насутился, но возмущаться перестал. Выдержав паузу Сократов начал рассказывать:

– Господин Анаксимандров вышел на меня по своим каналам и заказал одну деликатную работу. Вот я произнёс слово «философия», а Устин Олегович обиделся. А зря! Но почему зря? А потому, что теперь мы с вами работаем в редакции журнала, который называется «Философский Листок». При этом работаем мы отнюдь не философами. Мы – криэйторы. И задача наша важна, проста и прибыльна.

Сократов посмотрел на Зенонова и Пирата. Оба внимательно слушали. Пират даже перестал зевать.

– Вот список, – Сократов протянул Зенонову и Пирату по листу с распечатанными фамилиями. – По этому списку мы будем работать. Наша задача: раскрутить указанных в списке персонажей. Для этого у нас есть прекрасная редакция, журнал и немалый бюджет. Теперь вам понятнее, для чего вы здесь?

На небольшое время в редакции повисла пауза. Зенонов, с каменным лицом, и Пират, едко прищурившись, изучали выданный Сократовым документ. Первым не выдержал Пират:

– Ой, мамочки! Ты чего, серьёзно??? – Пират еле говорил

сквозь пробиравший его смех. – Шестибоков – гносеолог; Жирафчиц – гегельянец; Баклажанко – панпсихист; Ласточкина – пантеист; Брюквина – эволюционист. Всё! Дальше я не могу читать! Но зачем это нашему магнату? Он что – сумасшедший??

Пират откинулся на спинку стула, с ошалелым видом оглядываясь по сторонам.

– Нда... – протянул Зенонов. – Я и слов-то таких не знаю. Кроме, пожалуй, «эволюциониста». Это от слова «эволюция»? Тот, кто эволюцией занимается?

– Изучает... – поправил Пират.

– Тогда ладно, – спокойно отреагировал Зенонов. – А вообще, на полит заказ похоже. Эти всегда именно так и работают.

– Коллеги, – наконец вмешался Сократов, пытаюсь изобразить рассудительность. – Ещё раз напоминаю, что нам платят большие деньги. И очевидно, что это – бизнес-проект. И наша, чёрт возьми, задача – сделать из этих маргиналов гениев. Причём в самом прямом смысле. Без кавычек. Вот такое у нас, Устин Олегович, техническое задание!

Теперь пауза затянулась несколько дольше. Первым опять отреагировал Пират:

– Хорошо! Гении – так гении! И кто первый по списку? И кто к нему пойдёт? Можно мне?

– Нельзя, – надменно ответил Сократов. – Пойду к нему я. И запомните наперёд: решения здесь принимаю я!

Сократов подозрительно оглядел собеседников и, убедившись в том, что возражений нет ни только на словах, но и в выражениях их лиц, продолжил:

– Так вот. Я пойду, но не «к нему», а познакомлюсь сразу со всей тусовкой. Как раз, очень удачно, у них сегодня вечером сходка в каком-то задрипанном кабаке. Вернусь с материалом. А вы пока займитесь подготовительной работой. Шапку придумайте, оформление, шрифт подберите... Что там ещё необходимо? Ну и сами по колонке напишите. Чтобы было на журнал похоже...

В полной тишине Сократов встал, накинул ветровку, козырьком назад надел потрёпанную кепку и, не попрощавшись, вышел из редакции. Эпикурова молча собрала пустые чашки и унесла поднос. Пират и Зенонов остались сидеть друг напротив друга.

Глава 2. Под звуки терменвокса

Философский Листок №1 (август, 2022)

Под звуки терменвокса

Прошедший месяц ознаменовался очередной годовщиной со дня рождения светила отечественной мысли, большого друга нашей редакции, директора Института Неогносеологии и Транспиритуальной Динамики, профессора А. Ю. Шестибокова. Празднование знаменательной даты с помпой прошло в банкетном зале Дворца Знаний нашего города. Как водится, в этот день в помещении было не протолкнуться от гостей, многие из которых по праву считаются звёздами первой величины в мире отечественной мысли.

Вот В. И. Жирафчиц – ректор и почётный президент Университета Дискретизации Парадоксального Мышления – выходит из лимузина. «Будь здоров, Аркаша!» – кричит он, спеша пожать руку нашему бенефициару.

Среди гостей уже можно заметить и доктора Кабачкова, как всегда, с блокнотом и своей знаменитой разработкой – портативным квантовым когнигенератором. «Отвлекись ты

от своей работы хоть в День Рождения друга!» – упрекает его академик Баклажанко, после чего коллеги весело смеются.

В зелёном уголке внезапно натыкаюсь на доктора Брюквину. Она с жаром что-то доказывает профессору Качерыгину. Тот спорит, но неохотно. Ведь стол накрыт, гости собрались, и пора бы уже приступать к торжественной части банкета.

В зале звучат тосты, аплодисменты, таинственная, неземная музыка Е. А. Стравинского. Чуть в стороне замечаю задумчивую А. Л. Ласточкину, которая что-то сосредоточено чертит пальцем на скатерти, не обращая внимания на окружающий шум.

Тем временем аспирант К. И. Новобазаров – талантливый ученик самого Василия Ильича Жирафчица – под одобрительный гул собравшихся, вместе с учителем вручает имениннику подарок – золотое перо с сапфиром в виде пятиконечной звезды и монограммой, составленной из бриллиантовых букв «Ъ», «Ы» и «Ь». «Узнаю руку мастера! – одобрительно кивает герой вечера, и видно, что он польщён. – Если я не ошибаюсь, эта криптограмма отсылает к Арану Ашшурскому?» Профессор Жирафчиц деликатно молчит, в зале гремят аплодисменты.

Музыка, тосты и весёлые возгласы смолкают лишь под утро. Усталые, но счастливые гости расходятся по домам. «С Днём Рождения, Аркадий Юльевич! Успехов вам!» – говорю я профессору на прощанье. Профессор крепко жмёт мне руку, и я устремляюсь домой с ясным пониманием, что пока

на свете есть такие люди, я могу спать спокойно!

Главный редактор журнала

«Философский Листок»

Н.Е. Сократов

Разумные провода. Эксперимент на грани

С гордостью спешим сообщить нашим читателям, что в августе 2022 года под эгидой нашего журнала проведён первый в мире эксперимент по выявлению когнитивных способностей у электрических проводов. В ходе эксперимента было воспроизведено основное рефлекторное движение провода – его изгибание под действием магнитного поля. За дальнейшим ходом исследований следите в наших следующих номерах.

Научный редактор журнала

«Философский Листок»

У.О. Зенонов

Происшествия

В редакции сточился последний карандаш. Господин Анаксимандров улетел в отпуск в Тибет. Других происшествий не произошло.

Специальный корреспондент журнала

«Философский Листок»

Акула-Пират

Глава 3. Плохой план на игру

– Ой, не могу! – от смеха у Пирата из глаз выступили слёзы. – «Во Дворце Знаний с помпой прошло»! Ай да Сократов, ай да сукин сын!

Сократов выглядел явно польщённым.

– Мастерство не пропьёшь! – отозвался он довольно, снисходительно улыбнувшись.

– А вот это вот, – не унимался Пират, – «Кабачков с квантовым когнигенератором»! С чем с чем, простите?

– Да с кружкой пива он там ходил, – небрежно бросил Сократов. – Сам-то тоже хорош! Карандаш у него, видите ли, последний сточился! Да у тебя ещё и первый карандаш не затачивался! Такую-то откровенную халтуру зачем гнать? А вот Зенонов – молодец! Описание научных экспериментов нам очень кстати!

– Халтуру? – Пират вдруг резко стал серьёзным. – Так мне сказать нечего! Да и вообще – у нас же ничего не происходит! Слушай, Сократов, может ну эти «Происшествия»? Их писать – только подставляться!

Неожиданно для всех Сократов моментально согласился:

– Кстати, да. Сам хотел тебе предложить. Давайте дальше будем обходиться как-нибудь без происшествий, – и Сократов хмыкнул, довольный своим каламбуром.

Тут неожиданно подал голос Зенонов:

– А терменвокс – это что?

– Кстати, прикольная штука, – весело ответил Сократов.

– Это я уже серьёзно говорю! Такой типа музыкальный инструмент. На прибор похож. Водишь перед ним рукой, к самому прибору не прикасаясь, а в ответ – музыка. Качерыгин на нём неплохо сыграл.

Зенонов выслушал Сократова с интересом, под конец заинтересованно поведя бровью.

– Хорошо ты их, конечно, вылизал! – Пират всё не мог оторваться от номера журнала. – Ну и как тебе эти звёзды первой величины?

– Дурики эти? – переспросил Сократов. – Я пока подробно ни с кем не говорил. Но познакомился со всеми из списка. Так... – Сократов махнул рукой. – Подошёл к каждому, представился, рассказал про журнал. Кстати, к предложению о сотрудничестве все отнеслись благосклонно. От интервью никто не отказался. Так что готовьтесь! Скоро у нас начнётся парад чокнутых!

И Сократов принялся хохотать над своей шуткой с самодовольным видом. Эпикурова, в это время протиравшая влажной тряпкой массивный редакционный стол из красного дерева, вдруг неожиданно замерла, и проговорила тихо, как будто сама себе:

– Они же к вам с душой... а вы... смеётесь над ними...

Сократов услышал Эпикурову, прервал смех, посмотрел на неё рассеянно, будто видел впервые, и уже совершенно

спокойно, даже задумчиво произнёс:

– Кстати, о душе... Как раз ближайшее интервью, о котором мне удалось договориться, будет с этим сумасшедшим дендрологом Баклажанко... Человек, реально ищет душу у деревьев! Представляете?

– Сочувствую. Но не верю, что реально, – отозвался Пират. – И о чём ты с этим древоведом говорить будешь?

– Да понятия не имею! – отозвался Сократов.

– Ты в деревьях-то что-то понимаешь? – спокойно спросил Зенонов.

Сократов отрицательно помотал головой.

– А в душе? – в тон Зенонову продолжил Пират и прыснул смешком.

Сократов раздражённо посмотрел на Пирата, а Зенонов продолжал говорить:

– Может есть смысл подготовиться? – голос Зенонова был совершенно спокоен и серьёзен, что только добавляло ситуации комизма. Пират опять начал беззвучно смеяться. – Как говорил третий чемпион мира по шахматам кубинец Хосе Рауль Капабланка, лучше иметь плохой план на игру, чем не иметь никакого.

Сократов растерялся, а Пират, давясь смехом, продолжил, опять передразнивая интонацию Зенонова:

– Как пел первый чемпион питерского рок-клуба по русскому року кореец Виктор Робертович Цой, – тут Пиратов нарочито понизил тембр своего голоса, передразнивая уже

Цоя. – Тот, у кого есть хороший жизненный план, вряд ли будет думать о чём-то другом!

Откровенно издевательская выходка Пирата неожиданным образом приободрила Сократова:

– Да! – Отчеканил он. – Да! Я профессионал, а тут... было бы к чему готовиться!

Глава 4. К деревьям – с душой!

Философский Листок №2 (сентябрь, 2022)

К деревьям – с душой!

Академик Макар Андреевич Баклажанко радушно встречает меня на пороге своего кабинета в Институте Прикладной Дендритологии. Идя в этот знаменитый заповедник науки, я ожидал найти институт спрятанным если не в чаще мэллорнов, то хотя бы по соседству с небольшим городским сквером. Но нет, здание института расположено в самом обыкновенном дворе Петроградской стороны Санкт-Петербурга.

– А где же ваши... подопытные? – теряюсь я в поисках нужного определения для предмета научных изысканий академика.

Макар Андреевич морщится:

– Подопытные... – сварливо передразнивает он мои интонации. – Подопытны крысы в виварии. наших друзей – «друидов» – я бы называл исследуемыми, а иногда и исследователями... да... иногда мы действительно не понимаем, кто из

нас кого изучает. Проживают друиды в Вологодских лесах. Есть там пара коммун, которые мы постоянно поддерживаем. В меру сил конечно, государству гораздо важнее сиюминутная прибыль, чем фундаментальные научные знания! О нас же вспоминают лишь тогда, когда очередному чинуше взбрѣдет в голову обставить свой кабинет мебелью из красного дерева!

Зная принципиальность и непримиримость академика в политических вопросах, я сразу пытаюсь вернуть разговор в научную плоскость:

– Вы говорите о своих... исследуемых так, как будто они одушевлены! Увлечѣнный человек зачастую наделяет антропоморфными чертами предмет своего...

Но академик Баклажанко не даёт мне договорить:

– Увлечѣнные люди лучше бы следили за своими антропоморфными чертами... на предмет соответствия! Друиды, вне всякого сомнения, одушевлены! Иногда мне кажется, что вообще не то существо назвали дубом...

Преодолевая неловкость перед авторитетом мирового светила, я всё же решаюсь на замечание:

– Вы говорите – одушевлены, но многие наши читатели до сих пор не уверены, есть ли у деревьев душа!

Тон Макара Андреевича приобретает размеренность и монотонность, как будто я попал на одну из его знаменитых лекций:

– Лично я не уверен, есть ли душа у некоторых из ва-

ших читателей, особенно у тех, кто называет друидов деревьями! Впрочем, это и не относится к области моей компетенции. Имея же в виду друидов, наличие души можно утверждать категорически! Ещё девять лет назад моим блестящим коллегой, профессором Качерыгиным, была проведена серия опытов, окончательно отбросившая все сомнения по данному вопросу.

Я чувствую, что разговор увлѣк моего собеседника и всеми силами пытаюсь эту увлечѣнность сохранить:

– Будьте так любезны, напомните нам, в чём собственно эти опыты заключались?

Макар Андреевич снисходительно улыбается:

– Охотно! Профессор Качерыгин лично помещал свежесрубленные друиды в сушильную камеру! После сушки, масса друида, уже, конечно, покойного, значимо уменьшалась. И тут уж, как говорили древние римляне, *sapienti sat!*

Я не нахожу в себе сил уточнить у академика, кто же рубил эти благородные создания, поэтому задаю ему пару других, чисто технических вопросов:

– Скажите, Макар Андреевич, а в какой момент душа друида прикрепляется к его телу? И удалось ли Вам с профессором Качерыгиным локализовать душу в теле друида?

Академик Баклажанко отвечает с менторскими интонациями:

– Что касается времени прикрепления души, то тут у нас в наличие пока есть лишь гипотезы. Мы предполагаем, что

прикрепление происходит на сороковой день после того, как жёлудь падает в землю. Впрочем, на этот счёт есть разные данные и их интерпретации, – академик грустно вздыхает. – Говоря же о локализации души друида, должен заметить: очевидно, что душа друида является нематериальной субстанцией. С другой стороны, поскольку душа ответственна за личность, сознание и самосознание исследуемого, должен существовать некоторый канал, по которому осуществляется связь души и тела. Мы полагаем, что он локализован между корой и стволом друида. По крайней мере, профессор Качерыгин, лично наблюдавший процесс сушки, предполагает это вполне уверенно.

Преодолевая страх показать себя некомпетентным, я всё же спрашиваю:

– Что же заставляет вас быть уверенным в существовании этого, как вы выразились, канала связи?

Академик Баклажанко отвечает на удивление спокойно:

– Резонный вопрос! Видите ли... наблюдая генезис друида в духовной сфере, мы также, в полном соответствии с ним, наблюдаем и генезис тела исследуемого... так же, как, к сожалению, и его увядание. Личностный рост друида неизбежно связан с развитием и ветвлением его кроны, тогда как болезнь выражается не только в высыхании веток, но и в личностной деградации... мда... я даже больше вам скажу, – тон знаменитого учёного приобретает заговорщицкие черты. – Если друида хорошенько рубануть топором, но так, чтобы

не довести до летального исхода, последствия для друида будут крайне печальны, вплоть до полной потери личности исследуемого. Что заставляет нас полагать, что психосоматический канал работает в обе стороны, ведь именно изменения тела друида определили изменения в его душе.

Несколько ошарашенный услышанным, я нахожу в себе силы на последний вопрос:

– Но ведь в таком случае получается, что душа друида не тождественна самой себе! Рождаясь вместе с телом, развиваясь и деградируя вместе с телом, она должна и умирать вместе с телом друида!

Академик Баклажанко отвечает с хитрым прищуром, явно не разделяя мой ужас:

– Вы забываете про корни! Да-да! Корни! – повторяет он, видя моё изумление. – Вставьте ветку покойного друида в землю и предоставьте её воле рока. Как знать, быть может, саженец приживётся. И тогда мы будем иметь душу старого друида в новом теле. Прямо по теории нашего великого гносеолога профессора Шестибокова. Впрочем, про это вы лучше расспросите самого профессора!

Домой я возвращаюсь с изрядным воодушевлением, а перед глазами так и мелькает добрая улыбка нашего знаменитого питерского учёного – академика Макара Андреевича Баклажанко.

Главный редактор журнала
«Философский Листок»

Н.Е. Сократов

Разумные провода. В поисках предела

Подал на провод серию электрических импульсов. Провод нагрелся. Наблюдаю.

Научный редактор журнала

«Философский Листок»

У.О. Зенонов

Глава 5. Наука против фактов

Сократов, Зенонов и Пират после обеда курили на набережной красавицы Невы. Как раз напротив места, где они расположились, в Неву впадала река Охта. Зенонов о чём-то размышлял. Сократов, надеясь, что его наконец-то услышат, повторял уже третий раз: «Да, хорошее место». Пират, запустив окурок в Неву, наконец-то согласился, что с местом им действительно повезло.

– Добираться только неудобно. От метро далеко.

Сократов с удивлением посмотрел на Пирата и спросил:

– На метро? Ты на метро ездешь? – Пират спокойно кивнул. – А ты Устин?

– На автобусе. Сто тридцать шестом, – сухо отреагировал Зенонов.

– Да... дела... – протянул Сократов с притворным изумлением. – Ладно, не переживайте! Год-полтора поработаете – купите себе по «Ауди», если, конечно, не забухаете!

Пират посмотрел на Сократова, ухмыльнулся, но промолчал. Зенонов же отреагировал вполне серьёзно:

– Я себе «Ладу» куплю. И переделаю её в электромобиль. С автопилотом. Интерпретирующая навигация на основе когнитивного представления пространства. Идеи у меня уже есть.

Пират с Сократовым переглянулись, но промолчали, хо-

тя оба взгляда были очень выразительны. Особенно Пирата. Троица уже заходила в редакцию.

И уже в редакции, поправляя причёску возле большого роскошного зеркала в прихожей, Пират как бы мимоходом спросил:

– Кстати, Сократов, а какая машина у тебя?

Сократов окинул Пирата презрительным взглядом:

– У меня будет «Тесла». И тоже с автопилотом. Я слышал, такие уже делают.

Пират хохотнул:

– Значит интервью про психосоматический канал между корой и стволами деревьев прошло успешно? Господин Анаксимандров доволен? Будет премия?

– Доволен ли господин Анаксимандров – пока касается только меня. Перед ним отчитываюсь я, – отрезал Сократов. – Вы же делайте свою работу!

Вся троица уже прошла в зал. Пират не унимался:

– Не, ну серьёзно: эти твои Баклажанко с Качерыгиным, они что, реально души деревьев взвешивают? Это не шутка?

– Давай, смейся... – процедил в ответ Сократов, усаживаясь на стул. – Ты интервью-то внимательно прочёл? Понятно, что в Институте Дендритологии занимаются галиматьёй. Ещё и за счёт государства. Но есть в этом что-то...

– В чём?? – выпучил глаза Пират, тоже усаживаясь на стул напротив Сократова. – Ты что? Реально в эти сказки поверил?

Сократов внезапно смутился, посмотрел Пирату в глаза, после чего надменно произнёс:

– Нет, не поверил. Я же не дурак? Понятно, что бред полный. Но согласись, что и своя логика у этого Баклажанко есть, хоть и извращённая. Смотри: то, что душа нематериальна – для него факт? Факт! Связь между материальным телом и душой – это факт? Для него – факт! Как же душа и тело взаимодействуют, когда я хочу поднять руку, и она поднимается? – и Сократов очень пафосно поднял руку от сердца к хрустальной люстре. – А уж конкретно про ствол дерева и кору я не знаю... Тут Баклажанко явно заговаривается!

Ошарашенный Пират откинулся на спинку стула, не находя в себе сил хоть что-то ответить. Но тут раздался скрежет – это Зенонов резко придвинул стул в сторону Сократова и Пирата. Казалось, глаза Зенонова пылают. Проходившая с лейкой Эпикурова, опасливо глянув на него, отшатнулась.

– Ты мозги-то свои прочисти! Нам ещё работать вместе! – зашипел на Сократова Зенонов. – Ты души-то эти видел? Хоть дерева, а хоть бы даже и свою? Если душу нельзя потрогать – её нет!

– погоди, Устин, не кипятись! – тут же смягчился Сократов. – Но согласись, что твои мысли тоже нельзя потрогать – их тоже нет?!

– Мысли мои – это электрохимические процессы! – глаза Зенонова по-прежнему пылали.

Эпикурова, так и не дойдя до цветочной галереи, отчёт-

ливо произнесла:

– Да вы не сердитесь. Я вот тоже посмотрела на статью господина Сократова. И мне она очень понравилась! И Макар Андреевич мне понравился! Он – доброжелательный!

В зале повисла звенящая тишина. Пират хмыкнул и отвернулся к окну. Сократов уставился на Эпикурову, которая первый раз за всё время своей работы в редакции позволила себе сказать что-то отличное от «да, господин Сократов». Зенонов же, который только что вообще впервые заметил существование Эпикуровой, окончательно вскипел и закричал:

– Доброжелательность – это не научная категория!

Эпикурова заткнула уши, лейка выпала из рук, вода разлилась. Эпикурова тихо взвизгнула, запричитала что-то про «извиняюсь» и помчалась за половой тряпкой.

Однако Сократов, у которого в голове всё ещё вертелось зеноновское «ты мозги то прочисти», не смог удержаться от едкого замечания:

– Это почему же? Мне кажется, что добро – это вещь вполне себе конкретная, я бы даже сказал, врождённая, данная. То есть тоже факт! Наша наука против фактов?!

Зенонов как будто переродился. Он больше не кричал и не сверкал глазами. Сухо, уставившись в пол, он отчеканил:

– Врождённое добро? Расскажи про это детям и клиническим идиотам!

Тут даже Сократов интуитивно понял, что разговор пе-

решил некую неосязаемую, но совершенно недопустимую грань.

– Ладно, философы, – со вздохом и уже примирительно сказал он. – С Баклажанко у нас в целом покончено, и всё с ним понятно...

– Если понятно, то зачем же вы спорили? – вмешался Пират.

– Поспорили, помирились – а дело делать надо! – Сократов окончательно совладал с собой, перейдя на своеобычный надменный тон. – Далее по списку у нас совсем уж откровенный шулер Жирафчиц! Тут не до споров будет, тут голову беречь надо! А мне, между прочим... – Сократов на секунду прервался, после чего продолжил, выделяя каждое слово, – Мне, а не вам, надо этому гогольянцу – или как там его? – ещё панегирик писать. Кто-то из присутствующих хоть знает, что это такое? А то я, честно говоря, не знаю. А господин Анаксимандров попросил именно панегирик!

– Это когда хвалят покойника? – сострил Пират.

– Нет, это когда льстят живому. Но так, чтобы похоже было на правду, – спокойно возразил Зенонов.

Глава 6. Рождение Титанов

Философский Листок №3 (октябрь, 2022)

Рождение Титанов

Октябрь для нашей редакции – месяц особый! Радостный! А для кого-то, как, например, для Н.Ю. Эпикуровой, которая в нашем дружном коллективе, кроме всего прочего, отвечает и за работу с почтой – ещё и тяжёлый. Ещё бы, ведь весь октябрь к нам в редакцию валом валят поздравительные письма и открытки от наших читателей. И, как говорят в народе, повод есть!

Подхожу к рабочему столу Эпикуровой и из громадной кучи открыток вытягиваю первую попавшуюся. Читаю: «Хочу ребёнка от Семёна Богдановича! Веселина». Веселина – наша преданная читательница – от всей души спешит поздравить с прошедшим днём рождения нашего блистательного профессора Качерыгина. В почерке и формулировках письма угадывается стиль профессора Шестибокова.

Или вот ещё открытка: «Сим победиши! Грета Тунберг». Знаменитая шведская учёная от всей души поздравляет с

днём рождения доктора Н.Е. Брюквину, что вызывает у меня лишь саркастическую усмешку. Куда их тунбергам до нашей умницы Нины Егоровны! «Ура! Мы ломим, гнутся шведы!» – сразу вспоминаются слова поэта. Грамматические и пунктуационные ошибки в тексте письма, долженствующие недвусмысленно указывать на плохое знание русского языка в Швеции, без труда позволяют определить настоящего автора. Несомненно, им является доктор Кабачков.

«Округлись! Жирафчиц», – это дружеское пожелание адресовано Кондрату Ивановичу Новобазарову. Ещё молодому, но уже заслуженно вошедшему в зал славы российской науки специалисту, тоже имениннику.

В последней открытке обращает на себя внимание подпись. Да-да, дорогой читатель, тебе не показалось! Впрочем, адресант мог бы и не подписываться. Кто ещё в нашей богатой на таланты стране способен так ёмко, буквально в одном слове, выразить столь непередаваемо многое? Кажется, что слово это адресовано самой Вселенной! Конечно же, аспиранта Новобазарова поздравляет с днём рождения его наставник, ректор и почётный президент Института Дискретизации Парадоксального Мышления, доктор всех наук, профессор Василий Ильич Жирафчиц!

И вот – слёзы наворачиваются на моих глазах и по одной каплют на драгоценную открытку! Профессор Жирафчиц! Наш дорогой именинник! Жемчужина октября! Три четверти писем на столе Эпикуровой адресованы именно ему! В

каких словах я бы смог описать эту глыбу человеку, лишь первый раз услышавшему о профессоре, если мы на секунду сможем допустить существование такого невежды?

В наш век егэшников критическое мышление не в почёте. Еду в вагоне метро и, глядя на уткнувшихся в свои гаджеты молодых и не очень молодых недорослей, меня не покидают грустные мысли: «Зачем вы живёте на белом свете?» – так вопрошаю я себя. «Каждым своим шагом, каждым бессмысленным движением, сами того не зная и не желая знать, вы лишь умножаете славу предвидевшего вас гения». Возможно, разрабатывая свою перевернувшую все представления о законах существования нашей Вселенной неформальную логику, профессор Жирафчиц и сам не подозревал, насколько чудовищно он окажется прав! Отныне и навсегда мы знаем – всё в нашем мире подчинено неформальной логике Жирафчица! Оглядываясь вокруг, я мысленно снимаю шляпу перед мудрым профессором! Всё – буквально всё – что я вижу, укладывается в его фундаментальный закон «А суть Б»!

Василий Ильич Жирафчиц не просто в совершенстве владеет критическим мышлением, он тот, кто сумел критически переосмыслить само критическое мышление! Опишу лишь один случай, произошедший буквально на моих глазах.

Однажды один западный горе-учёный решил оспорить известную максиму профессора Жирафчица «Запад находится на Востоке». С этой целью он лично явился в кабинет профессора и, разложив на рабочем столе нашего светила карту,

принялся тыкать в неё пальцем. «Запад», – на ломаном русском бубнил он, указывая на Северную Америку. «Восток», – хрипло продолжал он, упирая свой грязный ноготь в район Красноярска.

Надо сказать, что Василий Ильич даже не поднялся со своего кресла. Со своей доброй и ироничной улыбкой, от которой некоторые студенты на экзаменах у профессора теряли сознание, он снисходительно и негромко произнёс: «Когда из камчатских пусковых шахт наши баллистические ракеты с ядерными боеголовками рванут в сторону вашего сраного Лас-Вегаса, они куда полетят? На восток или на запад? То-то же!». И, выставя опешившего лжеучёного за дверь, Василий Ильич весело мне подмигнул.

На следующий день все газеты, в том числе зарубежные, напечатали на своих передовицах знаменитую фотографию. Трепещущий, смятённый, сгорбленный, полный растерянности и, прямо скажем, выглядящий посмешищем американский горемыка рядом с профессором Жирафчицем – руки в боки, гордый взгляд, статная осанка! Даже сейчас, поглядывая порой на этот снимок, висящий на стене нашей редакции начиная с самого основания журнала, моё сердце переполняется гордостью за нашу Родину.

Для того чтобы перечислить все научные и инженерные подвиги профессора Жирафчица, не хватит и десяти журналов. Чего стоят только родившиеся буквально на кончике пера подводные космические корабли, ветряные мельни-

цы на атомной тяге, концепция антидуши, заполнившая последнюю пустовавшую нишу в описании Вселенной на уровне «душа - материя - антиматерия», философский концепт «Привет от Аристотеля!» или в строгой формулировке – универсалия всех универсалий. Перечислять можно до бесконечности! Причём в самом строгом смысле этого слова, и тоже благодаря нашему бенефициару и его фундаментальной работе «Теория разрыва бесконечности в задачах кругового движения».

Нашим же читателям, знающих профессора Жиrafaчица лишь по его научным работам, но не знакомым с ним лично, спешу сообщить: талантливый человек – талантлив во всём! Интересы профессора отнюдь не ограничиваются наукой. Он прекрасно играет на лютне романсы собственного сочинения. Он пишет художественную прозу. Его проникновенные стихи под различными псевдонимами были многократно опубликованы практически во всех отечественных и некоторых зарубежных журналах и учебниках.

И лично от себя могу вас заверить: Василий Ильич Жиrafaчиц верный товарищ и настоящий друг! Друг, которым можно гордиться!

С днём рождения Василий Ильич! И, как говорят у вас на космических подводных лодках, – семи футов под килем!

Главный редактор журнала
«Философский Листок»
Н.Е. Сократов

Разумные провода. Первая искра

Наконец-то редакция раскошелилась ещё на один провод. Подаю импульсы сразу на два. Провода притягиваются друг к другу. Выводы делать рано.

Научный редактор журнала

«Философский Листок»

У.О. Зенонов

Глава 7. Я всегда лгу

– Слушай, Сократов, а ты с Жирафчицем в реальности встречался? – вполне серьёзно, а потому необычно для себя, спросил Пират. – Или в интернете информацию нарыл? – в вопросе Пирата читался вполне профессиональный интерес.

Пират и Сократов прогуливались по цветочной галерее, располагавшейся в переходе из зала редакции в другой, постоянно запертый зал, который редакции не принадлежал. В огромных кашпо из матового металла цвели: фаленопис голубого пурпура; цимбидиум с его длинными, строгими соцветиями-дугами и зеленовато-лимонными цветами; мединилла, разбрасывавшая свои розовые грозди, похожие на ювелирные подвески, – и ещё несчётное количество цветов.

Стараниями Эпикуровой галерея находилась в превосходном состоянии. Дышалось в ней легко. Тело переполняли умиротворение и покой. Аромат цветов кружил голову.

– С Жирафчицем я встретился, мы про его неформальную логику говорили, – на этот раз совсем без пафоса, а скорее задумчиво проговорил Сократов. – Кое-что вошло в текст, а кое-что я придумал... – такое признание от Сократова прозвучало совсем неожиданно. – Господин Анаксимандров просил панегирик – господин Анаксимандров получил панегирик. А с Жирафчицем было интересно говорить... – уже совсем тихо добавил он.

– Не знаю уж, что именно ты там придумал, но про одно знаю точно! – Пират ехидно улыбнулся и подмигнул Сократову. – Писем читателей я пока в нашей редакции не встречал. Или, быть может, Эпикурова их прячет в корсете?

Сократов неопределённо фыркнул. Они с Пиратом как раз вернулись в залу. Зенонов сидел в своём углу, выстукивая дробь на клавиатуре ноутбука. Эпикурова протирала от пыли редакционный рояль «Steinway & Sons». Пират, серьёзность которого оказалась весьма мимолётной, вновь перешёл на свой обычный цинично-насмешливый тон:

– И что именно тебя заинтересовало в Жирафчице? Его неформальная логика? Может быть, ты и нам объяснишь, что это вообще такое?

Как это произошло и с Пиратом, после выхода из цветочной галереи тон Сократова вернулся к его обычной манере. В случае Сократова – надменной:

– Нет, не объясню. Но ведь не всё можно вот так вот просто объяснить на пальцах, – пальцы Сократова изобразили вычурный танец перед лицом Пирата. – Теорию относительности тоже нельзя просто понять и просто объяснить. Не так ли, Устин Олегович?

Зенонов прекратил стучать по клавиатуре ещё раньше, как только в зале первый раз прозвучало слово «логика». Теперь же он перевёл свой тяжёлый, сверлящий взгляд на Сократова и сухо отчеканил:

– Теорию относительности мы сможем обсудить отдель-

но. Не сейчас. А вот про номер с Жирафчицем я выскажусь. Если вам, конечно, интересно. Я-то как раз отчётливо понимаю, что такое логика. И этот бред из статьи, – слово «бред» в устах Зенонова прозвучало максимально грубо и уничижительно, – нарушает базовый закон настоящей, Аристотелевой логики. А именно – фундаментальный закон непротиворечия. Это вот «А суть Б» на самом деле означает, что можно взять два противоречащих утверждения – и дальше получить из них всё, что угодно. Ну, то есть буквально: «Жирафчиц вылетел в окно – следует Пират увольняется». Так мы можем доказать любую произвольную чушь! Поэтому, если сам Жирафчиц живёт в рамках своей логики, значит он прямым текстом утверждает нам: «я всегда лгу!»

Эпикурова перестала тереть рояль и смотрела на Зенонова. Пират перестал ухмыляться. Сократов глупо замер с открытым ртом. Пауза настолько затянулась, что Зенонов, погасив свой горящий взгляд, успел повернуться обратно к ноутбуку и снова начать печатать. Но тут ухмылка вновь вернулась на лицо Пирата. Он начал говорить размеренно, с издевательским тоном:

– А вот теперь, кажется, понял и я! Товарищ Зенонов только что поведал нам следующее. Внимание! Перечисляю по пунктам. Первое. Жирафчиц говорит: «я всегда лгу!» Второе. Если Жирафчиц сказал правду, то он солгал. Третье. Если Жирафчиц солгал, значит он сказал правду. Уж не заврался ли наш товарищ Зенонов?

Зенонов, вновь перестав печатать, но уже не поворачиваясь к коллегам, тихо пробубнил себе под нос:

– Это как в объектно-ориентированном программировании... Класс не может наследовать сам себя. Иерархия классов запрещает петли. Впрочем, вы всё равно не поймёте, а я вот для себя только что всё окончательно понял. Максимально отчётливо, – и как ни в чём не бывало Зенонов опять принялся печатать.

Но тут неожиданно высказалась Эпикурова. Обычно тихий её голос на этот раз прозвучал отчётливо и уверенно:

– И вовсе Василий Ильич не врёт! Он просто остроумный!

Сократов наконец закрыл рот, раздражённо посмотрел на Эпикурову и резко произнёс:

– Ты своим делом занимайся! А Жирафчиц, как мы все только что убедились, не просто не врёт. Он переворачивает логику. Да, это не обман, это – метод!

– Видали мы такие методы... – хохотнул Пират.

Окончательно пришедший в себя Сократов зло оборвал Пирата:

– Помнится, ты просился в интервьюеры? Ну так вот – у тебя есть такая возможность. Наши гении собрались на какой-то митинг. А мне чего-то сегодня не хочется ни готовиться к интервью, ни куда-то идти – погода плохая. Ты хотел? Вот ты и иди! Иди-иди! Чего сидишь?

Пират, ничего не говоря, с оскорблённым видом резко поднялся со стула, пошёл в прихожую, надел на себя свою

потрёпанную кожаную куртку и, не прощаясь, вышел из редакции. Если бы дверь редакции не была бы снабжена дорогим и качественным доводчиком – он бы хлопнул дверью.

– Обиделся! – самодовольно сказал Сократов. – И правильно. Меньше будет ёрничать!

Но, к досаде Сократова, его триумф был моментально смазан. Со стороны санузла, не спеша и вальяжно потягиваясь, с достоинством пересёк залу здоровенный рыжий кот. Он сел напротив Зенонова, почесался, посмотрел на Зенонова и громко и требовательно мяукнул.

– И откуда у нас кот? – без эмоций спросил Зенонов.

Эпикурова мгновенно покраснела, семенящей походкой добежала до угла Зенонова, взяла кота на руки, почесала его за ушком и нежно, очень тихо, извиняющимся тоном, ответила:

– Пришлый... Потеряшка...

– Как звать то? – спросил прищурившийся Зенонов.

– Платоша! – ещё более нежно ответила Эпикурова и улыбнулась во весь рот.

– Платоша?? Что за дурацкое имя? – изумился Зенонов.

– Хорошее имя... – прошептала Эпикурова. – Почему дурацкое?

Зенонов посмотрел на Платошу, потом на пребывающего в ступоре Сократова, потом опять на кота, и, наконец, на Эпикурову.

– А у вас, Устин Олегович, кот есть? – робко спросила

Эпикурова.

– Нет, – сухо отозвался Зенонов. – Но, если бы был, я бы назвал его нормальным именем. Например, Вейерштрасс!

– Как? – переспросила Эпикурова, и лицо её опять залила ясная улыбка.

– Карл Теодор Вейерштрасс! – Зенонов проговорил это почти по слогам. – Великий немецкий математик.

Платоша потёрся о штанину Зенонова, вызвав искры статического электричества.

Всё ещё не вышедший из ступора Сократов молча поднялся и, так и не найдя что сказать, широким шагом двинулся в прихожую, неловко напялил своё чёрное пальто и вышел из редакции.

В проёме двери мелькнуло хмурое, почти чёрное питерское небо. Пахло грозой.

Глава 8. Можем повторить!

Философский Листок №4 (ноябрь, 2022)

Можем повторить!

Дремлет притихший северный город! С утра пораньше выбегаю из трамвая номер девять на остановке у парка Бenuа и устремляюсь к небольшой, но сплочённой группе людей, которая, очевидно, всего минуту назад солидной кучкой не спеша направилась по проспекту Науки на юго-восток – навстречу восходящему солнцу.

«Можем повторить!» читаю я лозунг на красном транспаранте, сперва не понимая, кто же в наше непростое время осмелился выступить со столь грозной и провокационной угрозой, но уже через секунду вижу: вцепившись в древко озябшими пальцами, транспарант лично несёт доктор Алексей Матвеевич Кабачков. Лицо его преисполнено гордостью.

– Алексей Матвеевич! – обращаюсь я к известному учёному. – Бывший президент нашей страны Медведев как-то высказался в том ключе, что Россия уже исчерпала лимит на революции. Как же вы...

Но доктор Кабачков перебивает меня, не давая задать вопрос:

– Молодой человек! Кто же установил для России этот лимит? Уж не сам ли господин Медведев? Обращаю ваше внимание на название проспекта, по которому мы сейчас движемся. Проспект Науки! Вас, молодых, сейчас этому в школе не учат, а в наше время каждый двоечник знал: исторический материализм Маркса – теория сугубо научная! А что главное в науке? Верно! Повторяемость! Вот на это я и обращаю внимание общественности своим плакатом. На это, и ни на что больше!

И подмигнув мне, доктор Кабачков торопливой семенящей походкой устремился во мрак грозовой.

Мы поворачиваем на Гражданский проспект, и я неожиданно сталкиваюсь с доктором Брюквиной.

– Нина Егоровна! И вы здесь! – не могу сдержать я радостных эмоций. – Я смотрю, лавры Надежды Константиновны не дают вам покоя!

– Отмечаемая вами аналогия очень поверхностна! – возражает мне доктор Брюквина. – Да, я соглашусь, что школа должна не только обучать, но и быть центром коммунистического воспитания. У нас же в школьном учебнике по истории за пятый класс рассказывается как Моисей море раздвинул...

На этих словах товарищ Брюквина запнулась, почему-то покраснела, но быстро нашлась и продолжила с напором:

– И да, я, как и Крупская – верная соратница своего мужа Кабачкова, но есть и существенные различия! Например, я до сих пор люблю Корнея Ивановича Чуковского и, особенно, его произведение «Крокодил». Крупская же Чуковского не любила и, особенно, не любила «Крокодила»!

Не желая развивать тему любви к крокодилам, обращаюсь к ещё одному участнику шествия.

– По Гражданскому идём, Аркадий Юльевич! – замечаю я доктору гносеологии Шестибокову, чтобы хоть как-то завязать разговор и имея в виду продвижение колонны по Гражданскому проспекту.

– Вы можете идти хоть по гражданскому, хоть по налоговому, а хоть бы даже и по уголовному! – достаточно резко отвечает мне знаменитый профессор. – Мне же сейчас, как гносеологу, в голову скорее жилищный приходит...

Я изумлённо поднимаю брови, всем своим видом давая понять, насколько я – дилетант – далёк от таких глубин гносеологической мысли. Но профессор любезно поясняет:

– Вы только посмотрите, какая красота! – и профессор Шестибоков широким жестом указывает на кирпичную девятиэтажку слева с крупной надписью «Промтоварный магазин» на крыше. – И ведь советское государство бесплатно раздавало такое прекрасное жильё своим гражданам! Променяли на «Макдональдсы»! – резко выпаливает профессор и зло оборачивается в сторону станции метро «Академическая».

– Но при чём же тут гносеология? – робко вопрошаю я.

– Молодой человек! Вы же не будете отрицать, что гораздо удобнее заниматься познанием, живя в отдельной трёхкомнатной квартире, чем прозябая в набитом царском околотке под присмотром жандармерии!

Считая разумным для себя не ввязываться в спор, подхожу к следующему участнику марша.

– Скажите, Василий Ильич, правду говорят, что это именно вы первым придумали праздновать День Великой Октябрьской Социалистической Революции в ноябре? – Обращаюсь я к знаменитому профессору Жирафчицу, в то время как колонна поворачивает на проспект Блюхера.

– Ну как вам сказать... – лукаво улыбается великий учёный. – Конечно, это придумал я! Но называть это правдой было бы, пожалуй, перебором. Видите ли, в настоящий момент я представляю левое движение.

– Наше дело левое, мы победим! – подсказываю я, и сам удивляюсь тому, как диссонируют эти слова.

Но ректору Института Дискретизации Парадоксального Мышления такой диссонанс, очевидно, доставляет глубокое профессиональное удовлетворение.

– Вот именно! Именно так молодой человек! Вам ещё многому предстоит научиться в вашей жизни и... и я вам не завидую!

С таким неоднозначным напутствием я подхожу к профессору Качерыгину, только что высморкавшемуся в носо-

вой платок исполинского размера.

– Семён Богданович, я вижу, вы сегодня простужены!

– Проклятые рудники! – громко откашливается профессор. – Довёл проклятый олигархат! По пути на митинг заскочил в клинику «БалтЗдрав» и что вы себе думаете? За первичный приём запросили 2400 рублей! Пришлось отказаться, такая сумма мне, как научному работнику, не по карману! Видимо так придётся подышать... под забором, как собака!

И профессор Качерыгин грозно машет исполинским кулаком куда-то в сторону Смольной набережной, в то время как наша колонна выходит на финишную прямую. По бокам статно возвышаются дома шоссе Революции.

– Вот мы и на месте! – вздыхает оказавшийся рядом со мной академик Баклажанко. – Ничего, Сеня, будет тебе и бесплатная медицина... когда победим! И да – можем повторить! И без всей этой кабачковской казуистики!

Специальный корреспондент журнала

«Философский Листок»

Акула-Пират

Разумные провода. Есть контакт!

В ходе очередного эксперимента с проводами к установке приблизился редакционный кот Платоша. Зафиксировано воздействие электрического тока на животное. Наблюдавшая

яся реакция кота позволяет предположить трансляцию информации от проводов к коту. Механизм трансляции требует уточнения.

Научный редактор журнала

«Философский Листок»

У.О. Зенонов

Глава 9. Красивая обёртка

Только что забежавший в редакцию Пират, даже не успев раздеться, моментально начал сыпать колкости:

– Повылезали левачки после дождика! Вы бы это видели! Сборище маргиналов. Я одного не пойму: если их социализм такой эффективный, почему у них вечно хлеб по карточкам? А у нас – витрины ломаются. А эти всё строем ходят!

– По карточкам? – на удивление спокойно переспросил из своего угла Зенонов. – По карточкам... Только ты ещё забыл добавить про лучшее в мире и бесплатное образование, про десяток нобелевских лауреатов только по физике, про промышленность, которая могла произвести всё, что угодно...

– Угу. В основном – калоши, – усмехнулся Пират. – Зенонов, ты что – коммуняка? Никогда бы не подумал. Ты же вроде как у нас за науку? Вон как тебя нобелевские лауреаты по физике волнуют. Зенонов, ты логику свою любимую включи: ваша система в принципе не может сделать что-то лучше, чтобы тут же не развалилось что-то другое. Улучшил науку – готовь талоны на хлеб. Разогнал промышленность – лови очередь за туалетной бумагой. Хочешь ракет – не жри. А хочешь колбасы – не взлетим. Это не развитие, это переукладывание из одного кармана в другой.

– Ты про науку вспомнил? Про переукладывание из кармана в карман заговорил? – не на шутку начал заводиться Зе-

нонов. – Что же, давай! Давай разберемся, из какого и в какой карман перекладывают при капитализме! Ты про прибавочную стоимость что-нибудь слышал? Или при капитализме этому детей в школе не учат? А почему не учат? Считать ты умеешь? Ну так сложи два плюс два! Пусть, например, Анаксимандров живёт на дивиденды. При этом сам не работает, но отстёгивает умопомрачительные суммы на нашу редакцию, а потом идёт в ресторан и жрёт своих рябчиков, идёт в салон и покупает себе смокинг Бриони за три тысячи баксов! Смокинги на деревьях не растут! Смокинг – это результат чьего-то труда. Сам Анаксимандров не трудится. Значит кто-то за него потрудился! Кто же это такой? Не подскажешь? И спросили ли у этого «кого-то» его согласие пахать на Анаксимандрова?

Сидевший до этого молча Сократов нутром почуял, что запахло жареным, и счёл для себя необходимым решительно потушить начинающийся пожар:

– Во-первых, я не сомневаюсь, что господин Анаксимандров заработал свои деньги честным трудом! Во-вторых, успокойтесь! Если вы у меня в журнале так писать начнёте, то читатель бросит читать уже после первого абзаца. В-третьих, спор ваш вообще дурацкий, развели детский сад! Капитализм, конечно, бывает несправедлив, но коммунизм – это лишь красивая мечта.

Пират, хоть уже и успокоился, не смог удержаться от ворчливого замечания:

– Просто все эти идеологии: коммунизмы, фашизмы... никогда никого до добра не доводили. Учите историю! А Устин тут начинает... Вроде же не глупый человек!

Зенонов, тоже уже почти успокоившийся, мгновенно взорвался снова:

– Вроде не глупый? – почти прошипел он. – Вроде! Идеологии, говоришь? Великая французская буржуазная... я подчёркиваю – буржуазная! – революция под какими лозунгами проходила? «Свобода, равенство, братство»? А в Декларации независимости США что прописано? «Жизнь, свобода и стремление к счастью»? А потом ещё сто лет рабства? Это твоя свобода? Женщин сто пятьдесят лет за людей не считали – это твоё равенство? Сегрегация негров на протяжении двухсот лет – это твоё стремление к счастью? Да ты, Пират, попросту лицемер!

– Я??? – казалось, глаза Пирата сейчас вылезут из орбит. – И в этом меня обвиняет человек, оправдывающий систему, породившую ГУЛАГ?..

Раздавшийся грохот не дал Пирату закончить. Это Сократов со всей мочи стукнул кулаком по столу.

– Больше. В нашей. Редакции. Политических. Споров. Не будет! – сухо, отрывисто, зло произнёс он. – Клянусь, после ещё одного политического замечания уволю к чёртовой бабушке обоих без выходного пособия!

Не успел Сократов это произнести, как политическое замечание незамедлительно прозвучало. Но прозвучало оно от

человека, от которого его можно было ожидать в наименьшей степени.

– Не важно, что нарисовано на обёртке. Важно, как мы относимся друг к другу, – тихо проговорила Эпикурова.

Вся редакция с недоумением на неё уставилась. Первым очнулся Пират:

– Вы не поверите, особенно после нашего спора с Устином, но в детстве я очень любил Стругацких. Как там у них было, не перевернуть бы... «Тогда, Господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, ещё лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой».

Теперь Сократов смотрел с недоумением на Пирата. В глазах же Зенонова, раздражение и даже ярость, сменились неподдельным интересом. После паузы он кинул короткий взгляд на Пирата, после чего медленно кивнул головой. Эпикурова прикусила губу и отвернулась к Платоше.

– Так, всё! – наконец-то пришёл в себя Сократов. – Мне пора к этому гностику Шестибокову!

– В списке написано: «гносеолог». Что это такое, ты, я надеюсь, выяснил? – сухо поинтересовался Зенонов.

– Гностик, гносеолог... Да какая разница! – отмахнулся Сократов. – Да, посмотрел в «Википедии», пока вы тут с Зеноновым друг на друга орали. Это от греческого слова «гнозис» – знание.

– То есть как бы знатолог? – схохмил Пират.

Поднимаясь со стула и направляясь в прихожую Сократов

бросил на лету:

– Не знаю пока. Но вот как раз и узнаю!

Глава 10. Мы хотим знать! Мы будем знать!

Философский Листок №5 (декабрь, 2022)

Мы хотим знать! Мы будем знать!

Когда идёшь на беседу с гностиком, душа твоя всегда преисполняется волнующим предвосхищением прикосновения к тайне. И тайне не простой, но имеющей характер во многом эзотерический. Не тайне даже, но таинству! Как приятно предчувствовать свою сопричастность к узкому кругу интеллектуалов, сумевших подобрать ключи к вопросам познания принципиально непознаваемого, дерзнувших объяснить необъяснимое, объяввших необъятное!

Именно такие мысли одолевали меня в приёмной кабинета Аркадия Юльевича Шестибокова, директора Института Неогносеологии и Транспиритуальной Динамики, когда молодая и стройная секретарша профессора пригласила меня пройти в кабинет нашего великого учёного.

– Мы хотим знать! Мы будем знать! – в качестве приветствия выпалил я заранее тщательно подобранную цитату зна-

менитого математика Давида Гильберта, но профессора мой артистический порыв явно не впечатлил.

– Что касается лично вас, молодой человек, то тут я сильно сомневаюсь. Вы, я вижу, представитель нового поколения, из тех, кого больше волнует баланс на банковском счете, чем баланс в собственной голове, и пришли вы сюда не за знанием как таковым, но затем, чтобы продать и меня, и моё знание в свой жалкий журнал? Хотите за мой счёт тираж повысить? – и, не давая мне опомниться, профессор, уже спокойнее, продолжил. – Но ведь торговать можно не только правдой, но и враньём, не только красотой, но и уродством. И враньё расходуется более шустро, ведь оно гораздо более прибыльно! И чем дальше, тем больше торговля враньём вытесняет торговлю научными знаниями... Сорняки вытесняют пшеницу! Ведь сорняки растут сами, а пшеницу надо сеять. И в результате свободной конкуренции сорняков с пшеницей, пшеница гибнет, а сорняки процветают. Против прополки они протестуют, ибо это дискриминация, тоталитаризм, репрессии... Впрочем, я увлёкся, сделайте любезность, задавайте ваши вопросы, здесь вас, по крайней мере, не обманут...

Совсем сбитый с толку напором учёного, я только и нашёл в себе силы, чтобы невнятно пролепетать:

– Доктор Кабачков... рассуждая в схожей манере, приходит к совершенно противоположным выводам...

– Во-первых, не называйте при мне этого пройдоху докто-

ром! А, во-вторых, применительно к Кабачкову, я бы упомянул слепую свинью, которая иногда всё же находит жёлудь...

– Читателей нашего журнала, особенно тех из них, кто имел несчастье получить математическое образование, необычайно волнует тайна гностицизма, – наконец-то решился я на вопрос, хотя после такого вступления уважаемого профессора, решиться было совсем не просто. – Ведь основной объект познания – Бог – сущность, сотворившая всё. Но поскольку (так говорят некоторые из наших читателей), Бог не мог сотворить сам себя, то он принципиально трансцендентен по отношению к нашему миру...

– Довольно, довольно!.. – перебил меня Аркадий Юльевич. – Не тех людей вы называете математиками! Во-первых, Бог – не обязательно творец всего сущего...

– Олимпийцы? – Попытался подсказать я, но профессор лишь брезгливо скривился.

– А, во-вторых, если что-то существует, то уж наверно оно познаваемо. Ведь верно же обратное: если чего-то нет, то и познавать нам нечего. Пусть ваши псевдоматематики обдумают эту мысль... на досуге... как в таких ситуациях говорит мой хороший друг профессор Жирафчиц: «Привет от Аристотеля!»

Боясь быть выставленным за дверь до окончания интервью, я не нахожу в себе сил заметить, что не все наши читатели вообще уверены в существовании бога и, деликатно пропуская этот момент, перехожу к следующему вопросу:

– Неподдельный интерес читателей вызывает также ваш знаменитый метод субъективно-объективного познания. Признаться, я и сам не могу сказать, что отчётливо его понимаю. Ведь мистицизм, который суть ошибочное принятие случайного и индивидуального символа за символ универсальный...

– Боги! Боги! – внезапно вспыхнул профессор. – Кто вас учил брать тезис, вкладывать его в уста вашего собеседника, а потом самому же с жаром приниматься его оспаривать? Вы смешали в одну кучу всё: мой научный метод, мистицизм, символизм, Зевса... скажите, процитированный вами Давид Гильберт занимался аксиоматизацией математики объективно, или может быть советовался с Берtrandом Расселом? Истина – одна, а вот путей к ней может вести множество!

– Исчерпывающий ответ! – лишь боязнь излишнего пафоса остановила моё желание встать и зааплодировать. – Тогда разрешите ещё пару вопросов из другой области ваших интересов. А именно – ваши транспиритуальные исследования.

Профессор снисходительно кивнул, а я, воодушевившись, продолжил:

– Не могли бы вы прокомментировать недавнее заявление вашего ученика доцента Ивана Мартыновича Перестукова, разгадавшего, по его утверждению, тайну второго тома произведения Николая Васильевича Гоголя «Мёртвые Души»? Он уверяет, что мёртвые души из первого тома попали в астрал, после чего, во втором томе, вселившись в пьяные те-

ла матросов балтийского флота, устроили Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию в России. Насколько вероятной вам кажется такая интерпретация русского классика?

– Ну что ж... Сама по себе заявленная проблематика крайне интересна, но Перестуков, к сожалению, не является самым выдающимся из моих учеников... На данном примере мы отлично видим, как гностицизм утопает в постмодернизме...

– Г... – я поперхнулся. – И когда же он всплывёт? Как вы, со своей высоты, видите перспективы вашей научной области?

– Да, молодой человек, я вижу чуть дальше вас, потому что стою на плечах гигантов... и за гностицизмом я вижу большое будущее! Что могло бы ему помешать? Самовоплотившийся материализм, пожалуй. Я бы сравнил его с терроризмом, который, рано или поздно, доберётся и до ядерного оружия!

Главный редактор журнала

«Философский Листок»

Н.Е. Сократов

Разумные проводы. Развитие как конкуренция

Привлечённый к экспериментам на постоянной основе редакционный кот Платоша полюбил играть с проводами.

Поражает стремление Платоши обесточить установку, когда в ходе очередного эксперимента я записываю возникающие в проводе импульсы на внешний носитель. Налицо конфликт разума и чувств. Думаю, проконсультироваться с психиатрами. Желание поймать, а то и разгрызть провод – это наиболее общая реакция кота на провода. Это реакция кота на провода как таковая. Реакцию проводов на кота пока отношу к неразрешённым загадкам.

Научный редактор журнала

«Философский Листок»

У.О. Зенонов

Глава 11. Говорит то, что не знает

– Коллеги, а вы заметили, что Сократов в интервью упорно называет Шестибокова «гностиком»? Но Шестибоков его как раз в этом не поправляет! Кажется, что только в этом и не поправляет, – подмигнул Пират сидевшему напротив Зенонову.

– Наверно, это потому, что «гностик» и «гносеолог» – это одно и то же, – сварливо ответил Сократов, сидевший рядом с Пиратом.

– Что значит – «наверно»? Ты же говорил, что статью в «Википедии» прочёл, – искренне удивился Зенонов.

– Ну как прочёл? Я вбил «гносеология», увидел, что слово происходит от греческого «знание», а дальше читать не стал, – затуманенным голосом отозвался Сократов. – Чего читать-то? Знание – оно и есть знание... Чего тут может быть непонятного?

Доев куриный супчик и придвинув к себе высокое блюдо с винегретом и тарелку с спагетти болоньезе, Пират издевательски заметил:

– Действительно! Гностик, гносеолог – совершенно не важно! Главное, что Шестибоков видит дальше нас! Я правильно понял твою мысль?

Сократов, Зенонов и Пират сидели в столовой на Шпалерной улице. Сократов упорно молчал. Зенонов, который на

этот раз обошёлся без супа, уже съел свою котлету по-киевски с гречкой. Придвигая к себе стакан с компотом, он честно попытался попасть в тон Пирату, но речь его всё равно получилась сухой и рваной:

– Что может быть непонятного? А вот мне непонятно следующее. Вот тут ты пишешь: «исчерпывающий ответ!» Я так и не понял, что исчерпалось. Может быть, ты сам исчерпался? Ты же в этом интервью получил настоящую выволочку! Но выволочку от пустого места! А ну-ка расскажи нам кратко, что это за субъективно-объективный метод Шестибокова?

Сократов отодвинул от себя поднос с недоеденным обедом, несколько секунд сосредоточенно вглядывался в пустоту, после чего посмотрел в глаза Зенонову и ответил:

– Я ничего не понял, коллега. Но есть в нём что-то. Страшный человек!

– Почему? – очень буднично и даже по-деловому уточнил Зенонов.

– Он говорит так, как будто знает что-то, чего не говорит, – отчеканил Сократов и с вызовом посмотрел на коллег.

– А это означает, – протянул Пират с усмешкой, – что ты сейчас говоришь о том, чего не знаешь!

В редакции, как обычно, суежилась Эпикурова. Никто и никогда не видел, чтобы она обедала. В самом деле, ведь не святым же духом она питалась? Вопрос требовал разъяснения. Зато все уже многократно и не один раз на дню видели,

как питается Платоша. Вот и сейчас, Эпикурова присела у только что наполненной «Китекатом» миски Платоши. Одной рукой она наливала кипячёную воду в его поилку, а другой нежно гладила кота, который уплетал свой корм с таким энтузиазмом, что хруст стоял на всю залу.

Эта сцена вызвала умиление у всех. И циничный Пират, и сухой Зенонов и даже надменный, а сегодня ещё и необычно подавленный Сократов улыбнулись.

И тут произошло то, чего в редакции «Философского Листка» ещё ни разу не было. К тому, что безмолвная ранее Эпикурова начала изредка и робко высказывать свои мнения – не мнения даже, а комментарии – все уже потихоньку привыкли. Но тут первый раз прозвучал вопрос к самой Эпикуровой. И, что было ещё более неожиданным, мнением уборщицы поинтересовался сухарь Зенонов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.